

Обзорная статья

УДК 330.101

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-505-11-136-147

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ

Олег Николаевич Толстобок¹, Ольга Валентиновна Брижак²✉,

¹ Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия, tolstobokov@yandex.ru, 0000-0002-2068-5794

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, brizhak71@mail.ru, 0000-0003-3744-0950

Аннотация. Авторами отмечается, что неоиндустриализация — это процесс перехода экономики к созданию высокотехнологичных и капиталоемких отраслей с высоким уровнем добавленной стоимости. В статье раскрывается институциональный аспект неоиндустриализации, который определяет, насколько эффективно этот переход реализуется с помощью соответствующих правил игры в условиях перехода к новому технологическому укладу. Российская экономика отличается от экономик с развитыми рынками тем, что в ней преобладают отношения власти и собственности — ключевая проблема для понимания структуры принятия решений, распределения ресурсов и экономической эффективности. В статье рассмотрена природа, историческая динамика и последствия указанного феномена для развития экономики. Отмечается, что отношения власти и собственности характеризуются сильной взаимозависимостью: собственность — инструмент власти, а власть — это гарантия или риски для собственности. Такая модель обеспечивает контроль и возможность реализации государственных приоритетов, но создаёт структурные барьеры для долгосрочного роста, инноваций и притока внешних инвестиций. В статье рассмотрен опыт экономики Сингапура с точки зрения высокого уровня защиты прав собственности и практически полного отсутствия коррупции. Авторы полагают, что для эффективной реализации политики неоиндустриализации необходима комбинация институциональных реформ (право, судебная система, прозрачность и т. д.), ограничение произвольного вмешательства, сбалансированное взаимодействие власти и бизнеса, согласование экономических интересов акторов экономики и развитие механизмов корпоративного управления.

Ключевые слова: неоиндустриализация, отношения власти и собственности, российская экономика, государственные приоритеты, институты, правила игры

Для цитирования: Толстобок О. Н., Брижак О. В. Институциональные аспекты неоиндустриализации: отношения власти-собственности // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 11 (505). С. 136–147. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-505-11-136-147.

Original article

INSTITUTIONAL ASPECTS OF NEOINDUSTRIALIZATION: POWER-PROPERTY RELATIONS

Oleg N. Tolstobokov¹, Olga V. Brizhak²✉

¹ Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia, tolstobokov@yandex.ru, 0000-0002-2068-5794

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, brizhak71@mail.ru, 0000-0003-3744-0950

Abstract. The authors note that neoindustrialization is the process of economic transition toward high-tech and capital-intensive industries with high added value. The article explores the institutional aspect of neoindustrialization, which determines how effectively this transition is implemented through the appropriate rules of the game during the transition to a new technological order. The Russian economy differs from developed market economies in that

it is dominated by power and property relations, a key issue for understanding the structure of decision-making, resource allocation, and economic efficiency. The article examines the nature, historical dynamics, and implications of this phenomenon for economic development. It is noted that power and property relations are characterized by strong interdependence: property is an instrument of power, and power is a guarantee or risk for property. This model ensures control and the ability to implement government priorities, but creates structural barriers to long-term growth, innovation, and the influx of foreign investment. This article examines the experience of the Singapore economy in terms of its high level of property rights protection and the virtual absence of corruption. The authors believe that the effective implementation of neo-industrialization policies requires a combination of institutional reforms (legislation, the judicial system, transparency, etc.), limitations on arbitrary interference, balanced interaction between government and business, alignment of economic interests among economic actors, and the development of corporate governance mechanisms.

Keywords: neo-industrialization, relations of power and property, Russian economy, state priorities, institutions, rules of the game

For citation: Tolstobokov ON, Brizhak OV. Institutional Aspects of Neo-Industrialization: Power-Ownership Relations. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(11(505):136-147. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-505-11-136-147.

Введение

Существующая структура собственности, где государство и крупные корпорации доминируют в сырьевом секторе, одновременно даёт преимущества (финансовые ресурсы, способность реализовывать масштабные проекты) и создаёт ограничения (неэффективность, коррупционные риски, слабая конкуренция). Для успешной неоиндустриализации необходимы институциональные преобразования: современное корпоративное управление, надёжная защита прав собственности, стимулы для конкуренции, прозрачные государственные закупки и действенные механизмы государственно-частного партнёрства. Однако при преобладании отношений «власть-собственность» такие реформы сталкиваются с существенными препятствиями, о которых пойдёт речь в данной статье.

В развитых рыночных экономиках власть и собственность чётко разграничены: владельцы обеспечивают производство благ и получают доходы, а органы власти взимают налоги и обеспечивают публичные блага. В российской же практике власть часто контролирует экономические активы в своей сфере влияния. Отсюда возникает феномен, при котором право собственности вторично — оно выступает как индикатор положения в иерархии власти. Утратив влияние, владелец рискует потерять и активы; собственность служит средствам поддержания и вознаграждения власти.

В странах с устоявшейся частной собственностью она определяет экономические механизмы: кто контролирует производство, как распределяются доходы и какой уровень благосостояния. В описываемой модели собственность выполняет «служебную» функцию по отношению к власти:

приносит доходы, покрывает последствия провалов управленческих решений и ограничивает инициативу собственников, потому что любые инициативы должны получать одобрение власти.

Формула П.-Ж. Прудона «собственность — это кража» здесь приобретает прикладной смысл: чтобы действовать независимо, собственник вынужден искать обходные пути и идти на скрытые присвоения, поскольку открытое распоряжение активами определяется волей властных структур. Абсолютная зависимость собственности от власти приводит к фрагментации ключевых элементов отношений собственности [14].

Результаты и их обсуждение

Проблема отношений власть-собственность раскрывается в работах А. А. Аузана [13], В. В. Дементьева [9, 10], Г. Б. Клейнера [12], Р. М. Нуреева [14], А. Олейника [20, 21], В. В. Вольчика [4, 5], О. С. Белокрыловой [1] и др. Указанные учёные отмечали, что одним из ключевых последствий отношений «власть-собственность» является перегрузка вертикали управления, так как на органы власти ложатся функции, которые, по сути, относятся к сфере частной собственности — распределение ресурсов и доходов, забота о частных потребностях и т. д. «Пучок» властных отношений формирует базис управления, на котором появляются производные элементы и новые институциональные практики. Этот пучок изменяется вместе с обществом, но обладает значительной инерцией.

Отношения «власть-собственность» напрямую влияют на скорость и качество неоиндустриализации, поэтому институциональные изменения — ключевой фактор успеха. Без надёжных правовых рамок, финансовых инструментов, современной инфраструктуры и гибких рынков

труда переход к инновационной индустрии будет замедлен и искажен. Комплексная институциональная стратегия должна сочетать защиту частной инициативы, целевую государственную поддержку и меры по созданию экосистемы инноваций [3, 7].

Ниже перечислены составляющие институционального «пучка» власти в такой системе (рис. 1).

Соединение сторон в созидании новой формы власти-собственности, приспособленной к условиям современного развития, предполагает достижение двух эффектов, либо их сочетание: повышение активности власти, усиление её господства над собственностью; понижение активности собственности, ослабление её позиций во взаимодействии с властью [4, 9, 14].

Приватизация в России не привела к формированию конкурентной среды, необходимой для актив-

ного функционирования частной собственности. В результате значительные пакеты активов оказались сосредоточены у новых частных владельцев и у экономической элиты, а слабая институциональная база регулирования и закрепления прав собственности лишь усилила эту концентрацию. В 2000-е гг. наблюдалась консолидация государственной власти и возврат государства в ключевые сектора экономики — энергетику, транспорт, финансы — посредством усиленного контроля над крупными компаниями. В 2010-е гг. сформировалась смешанная модель, где сильное государственное влияние сочетается с интересами близких к власти частных групп: собственность всё чаще используется как инструмент политического управления. В 2020-е гг. модель управления активами претерпевает изменения под воздействием санкций и геополитических вызовов: усиливается

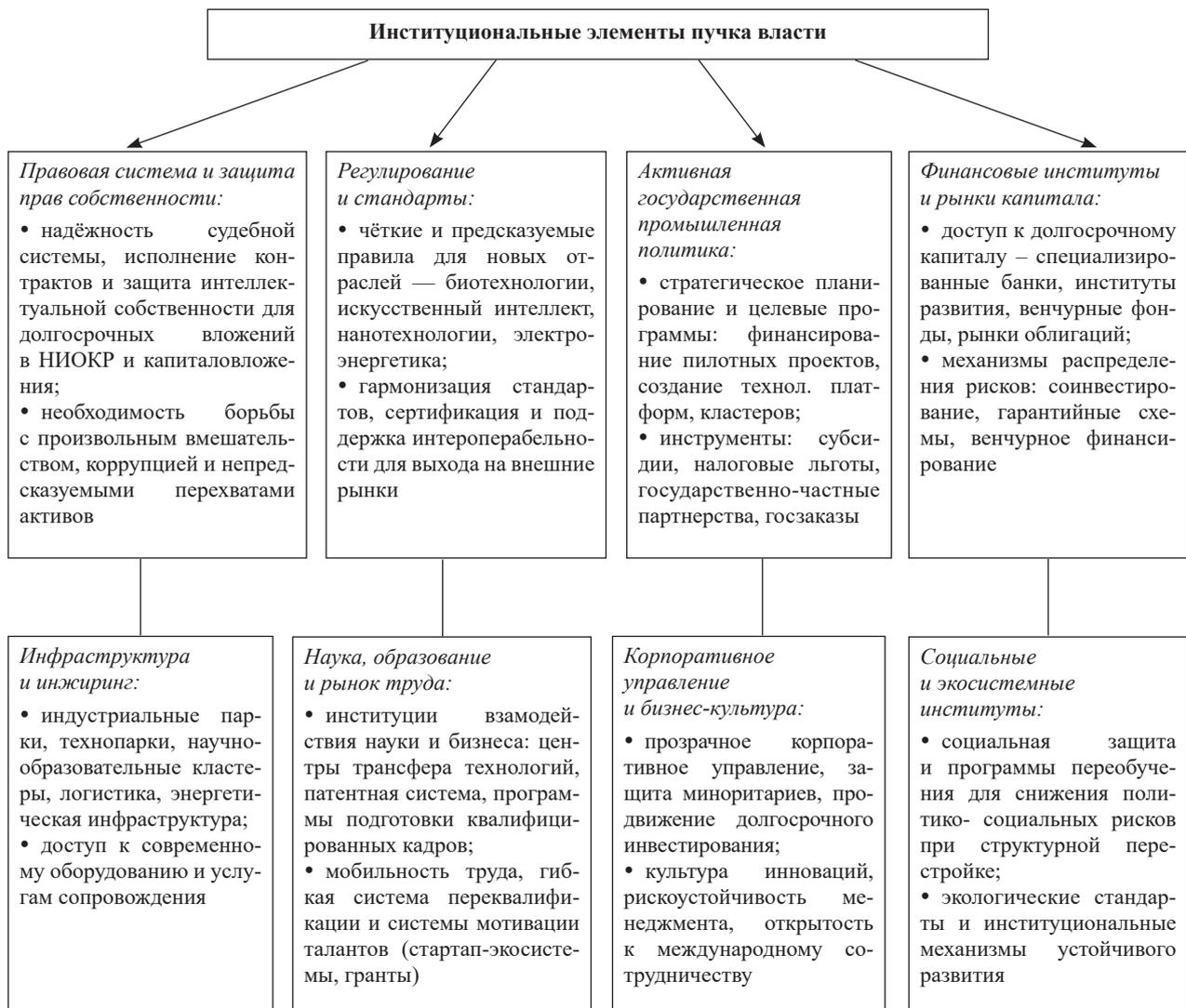

Рис. 1. Система институциональных элементов пучка власти
Fig. 1. The system of institutional elements of the power bundle

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

роль государства и «надёжных» частных инвесторов, растёт доля контрольных пакетов в руках публичных структур. Рыночные реформы 1990-х отодвинули Россию на периферию мирового хозяйства, ухудшилась производительность интегрированных субъектов [12].

Институциональный контекст современных преобразований характеризуется формальной фиксацией прав собственности при ограничении их реальной защищённости. Реализация прав зависит от качества судов, практики административного воздействия и политического фактора [3].

Государственные компании выступают важнейшим инструментом экономической политики и внешнеполитического курса в российской экономике, такие как НК «Роснефть», ГК «Роскосмос», ОАО «РЖД», ПАО «Газпром» и другие, которые аккумулируют ресурсы и обеспечивают государственное присутствие в стратегических отраслях. Однако они, с одной стороны, выступают прогрессивными участниками процесса неоиндустриализации, а с другой стороны, сдерживают указанный процесс в связи с функционирующим феноменом власти-собственности в экономике страны.

К ключевым институциональным барьерам и рискам неоиндустриализации относятся:

- ограниченный доступ к долгосрочному финансированию проектов;
- фрагментация научно-исследовательской экосистемы и низкая коммерциализация разработок;
- административное давление и чрезмерная бюрократия;
- недостаточная правовая предсказуемость и слабая защита прав инвесторов.

В совокупности эти факторы сдерживают конкурентность рынков, препятствуют переходу к динамичной инновационной экономике и усиливают роль государства как главного распределителя экономических благ.

Обратимся к факторам, способствующим отделению собственности от власти в процессе формирования новой модели «власть-собственность», адаптированной к реалиям современного развития. Такое разделение может проявляться либо в ослаблении доминирования власти над собственностью, либо в активизации самой собственности, когда она усиливает свои позиции во взаимодействии с властными институтами. Выделим ключевые реальные тренды современности, чьё действие порождает подобные эффекты.

Первый тренд, направляющий процесс отделения собственности от власти, — мощные техно-

логические сдвиги и связанные с ними трансформации общественных систем, прежде всего хозяйственной сферы. В новых условиях меняется способ соотношения материального и духовного в общественной жизни: возрастает значение нематериальных, интеллектуальных и ценностных факторов. Они не только решают текущие задачи, но и формируют повестку развития, участвуют в соотношении и оценке создаваемых благ. Технологии и продукты, рождаемые человеческим интеллектом, быстро проникают во все звенья социальной системы, в особенности очевидно это проявляется в финансовой сфере. Инструменты этой отрасли, хотя и отражают материальные процессы, способны эффективно направлять их движение и перераспределение ресурсов.

Второй тренд, способствующий уменьшению зависимости собственности от власти, — ускоренное развитие гибких организационных форм, преимущественно малых и средних. Власть крупных корпораций становится менее монолитной: одновременно с ними расширяется сектор малого и среднего бизнеса, который оживляет собственническую активность и претендует на более равноправное партнерство с большими корпоративными структурами. Существенным нововведением является и то, что полноценными партнёрами оказываются теперь отдельные физические лица — носители интеллектуального капитала, способные генерировать идеи и создавать на их основе эффективные капитальные комбинации, что ещё недавно казалось маловероятным [2].

Третий тренд, влияющий на отделение собственности от власти, — нарастание самоорганизации участников рынка. Современная экономика предоставляет широкие возможности для добровольного объединения, самостоятельного урегулирования взаимоотношений и коллективного укрепления позиций на рынке. Их успех зависит от способности адекватно оценить выгоды сотрудничества, вычленив общие интересы, обеспечить их представительство в институтах власти и в других сферах, наладить самоуправление общими делами и совместно продвигать продукцию на рынок. Именно эти навыки коллективной координации во многом решают итоговое признание и эффективность их деятельности [9].

Формирование новой модели «власть-собственность» отразилось и на характере российской экономики, усилив её рентную направленность. Во-первых, рентная составляющая осталась значимой и даже укрепила свои позиции: доля сырьевого экспорта за последние два

десятилетия достигла порядка 70 %. Во-вторых, рента распространилась глубже и шире, вовлекая в поиск гарантированных доходов группы, далёкие от непосредственной добычи природных ресурсов. За извлечением ренты гонятся не только добытчики — этим занимаются и чиновники (административная рента), и научные работники (интеллектуальная рента), и создатели финансовых инноваций, включая схемы с элементами пирамид и иными замаскированными конструкциями [2, 3].

Доминирование рентных стратегий трансформирует общественную систему: конкуренция за объективно лучшую рыночную оценку результатов деятельности вытесняется стремлением занять или создать монопольную нишу, обеспечивающую стабильный поток ренты. Это подменяет инновационную конкуренцию борьбой за привилегированный доступ к уже распределяемым доходам.

В странах с экономической системой, основанной на частной собственности, ручное, целенаправленное управление служит способом возврата к механизмам естественного саморазвития.

Другая картина наблюдается в государствах, где доминирует модель «власть-собственность» — там ручное управление востребовано регулярно и системно, поскольку без внешнего регулирования такие экономики склонны к закреплению рентных структур и подавлению конкурентных механизмов [10].

Россия, несмотря на отток капитала иностранных инвесторов и ограниченный доступ к мировым финансовым и технологическим рынкам, сумела адаптироваться и извлечь ряд выгод — в том числе обеспечить заметный рост производства продовольствия. Этот пример показывает важность опоры на внутренние ресурсы развития. Кроме того, высокие экономические результаты, как показывает опыт развития других стран, обусловлены высоким уровнем защиты прав собственности и низким уровнем коррупции. Учитывая данные факторы, сопоставим российский опыт институциональных реформ с опытом Сингапура, чтобы выделить практические уроки (табл. 1).

По данным 2024 г. индекс восприятия коррупции в Сингапуре составил 84 балла из 100, а в среднем этот показатель с 1995 г. по 2024 г.

Таблица 1
Table 1

Природа сингапурского успеха и уроки для России
The Nature of Singapore's Success and Lessons for Russia

Факторы успеха Сингапура и уроки для России	Характеристика
Факторы успеха Сингапура	Сингапур выгодно расположен в часовом поясе, который делает его естественным звеном между финансовыми центрами Запада и Азии. Это положение облегчило превращение островного государства в транзитный узел для потоков капитала и информации.
Географическое преимущество	
Политическая стабильность и управляемость	Долговременная внутренняя стабильность и последовательная государственная политика создали предсказуемую среду для бизнеса и инвестиций.
Защита прав собственности и правовая система	Надёжное закрепление имущественных прав и эффективный правопорядок снизили риски для инвесторов и предпринимателей.
Низкий уровень коррупции и профессиональное управление	Почти полное отсутствие крупномасштабной коррупции и высокий уровень административной культуры усиливали доверие к институтам и способствовали быстрому принятию решений.
Уроки для России	Инвестиции в сельское хозяйство, переработку и логистику позволили компенсировать внешние ограничения и нарастить производство продовольствия.
Опора на внутренние ресурсы и мобилизация производства	
Стабильность и предсказуемость правил игры	Для устойчивого роста важно обеспечивать предсказуемую экономическую и регуляторную среду, сокращать неопределённость для бизнеса.
Усиление защиты прав собственности и борьба с коррупцией	Улучшение правовой практики и уменьшение коррупционных рисков стимулируют долгосрочные вложения и предпринимательскую инициативу.
Целевая поддержка кластеров и логистических хабов	Создание конкурентоспособных региональных платформ (технологических, финансовых, логистических) помогает интегрировать страну в международные потоки, даже при ограниченном доступе к некоторым рынкам.

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

составил 88,74 пункта. Для сравнения в России индекс восприятия коррупции составляет 28–30 баллов, по данному показателю Россия занимает 141 место в мире среди 180 стран на 2024 г.¹

Ключевую роль в формировании сингапурской устойчивости к коррупции сыграл Ли Куан Ю. Возглавляя государство в течение десятилетий, он проводил политику нулевой терпимости к взяточничеству, начиная реформы внутри самого ближнего окружения руководства. На протяжении примерно сорока лет Сингапур неизменно фигурирует в международных рейтингах как одна из наименее коррумпированных и наиболее экономически успешных стран мира. Это обстоятельство особенно примечательно на фоне ограничений в политической конкуренции: правящая партия жёстко контролирует электоральные процессы и фактически не допускает оппозицию к власти. Подобное сочетание эффективного управления и ограниченной демократии расходится с классической западной моделью успешной государственности, где успех часто связывают с плюрализмом и гражданскими свободами.

Опыт Сингапура показывает, что пути борьбы с коррупцией могут быть разными и зависят от конкретной национальной традиции и практики. Ли Куан Ю придавал первостепенное значение прагматизму: важнее работоспособность института, чем его формальное соответствие чужим стандартам. В то же время ключевой урок сингапурской схемы — последовательное и всестороннее неприятие коррупционного поведения на всех уровнях власти, без исключений для близких соратников [2, 5].

Россия же в эпоху серьёзных технологических преобразований стоит перед задачей адаптации к новым реалиям, не разрушая при этом общественных связей. Необходимо сочетать восприимчивость к изменениям с институциональной стабильностью: это требует пересмотра опор власти и собственности, чтобы обеспечить и динамику, и устойчивость развития.

Долгое доминирование вертикали власти и высокая зависимость бюджета от нефтегазовых доходов замедлили интеграцию России в глобальные технологические цепочки. Для полноценного участия нужны развитый технологический сектор и значительный интеллектуальный капитал. Массовый импорт передовых технологий привёл к усилению внутреннего неравенства: в стране возникли небольшие «острова» с высокой насыщенностью современными возможностями

¹ Transparency international.

и большие территории, где структура жизни осталась во многом прежней. Нехватка собственного технологического производства усиливает отток талантов и препятствует накоплению и капитализации знаний внутри страны [6].

В российском общественном сознании устойчиво присутствует слияние понятий «государство» и «общество», что ошибочно. Важно чётко разграничивать их функции и поощрять инициативу гражданских институтов в решении задач, с которыми государство не справляется. Координация интересов, поиск компромиссов и принятие решений в сложных сферах вполне возможны без доминирования государственной власти — особенно там, где востребованы высокие технологии, творческий труд и гибкие организационные механизмы.

Именно в этих пространствах происходят наиболее интенсивные трансформационные процессы, где обеспечивается полноценное вовлечение всех заинтересованных сторон и последовательное согласование их интересов. В таких сферах не происходит бесконтрольного накопления проблем — напротив, они служат площадкой для их системного разрешения. Современному обществу необходима система целевых ориентиров, адекватная его организационным формам и формирующая интегральный образ будущего. Цели должны не просто обозначать желаемое, но и консолидировать усилия на пути к изменениям [4].

Сформулируем ряд требований к целям развития российского общества в современных условиях:

– реалистичность — цели должны соответствовать конкретным историческим задачам: разгрузке накопленного «проблемного груза» и созданию условий для последовательных преобразований;

– стратегический характер целей — цели обязаны обеспечивать продвижение общества по выбранной траектории развития;

– отражение согласованности интересов — цели должны фиксировать результаты согласования социальноэкономических приоритетов ключевых участников системы;

– системность — совокупность целей должна выражать итог согласований и служить эквивалентом национальных интересов.

С точки зрения соотношения целей с вызовами времени, целеполагание нельзя ориентировать исключительно на прошлые достижения. Необходимо формулировать цели в ответ на актуальные вызовы, растущие из динамики мировых

процессов: глубокие технологические сдвиги; появление новых организационных механизмов; формирование качественно новых рынков; стремительное развитие коммуникаций; возникновение ранее несуществовавших институциональных форм и др. Внешние вызовы задают рамки и содержание преобразований и обуславливают приоритеты развития [8].

Однако быстрая адаптация к внешним потрясениям недостаточна. Сильная социально-институциональная система должна генерировать собственные преобразовательные импульсы, к которым адаптируется остальной мир. Без такого проактивного потенциала общество остаётся вторичным игроком и не сможет претендовать на лидерство в условиях жесткой конкуренции [12].

В современных условиях развитие целей должно соотноситься не с ранее достигнутыми результатами, а с вызовами, которые предъявляет к обществу динамика глобальных процессов: глубокие технологические прорывы; появление принципиально новых организационных форм; формирование качественно новых рынков; стремительное расширение социальных коммуникаций; возникновение ранее нехарактерных институциональных моделей и т. п. Такие внешние вызовы накладывают обязательство на российское общество проводить трансформации и определять перспективные ориентиры его развития.

Следствием этого является необходимость изменения не только целей развития, но и мышления, интересов и мотиваций тех, кто участвует в их формулировании. Существенную роль в таком изменении призвана сыграть национальная интеллектуальная элита, обладающая значительным потенциалом для формирования общественного сознания. Нужно обеспечить ей расширенный доступ к разработке новых идей и политических решений на основе конкурентного взаимодействия. Приход свежих интеллектуальных сил способен предложить эффективные идеи и решения, которые помогут преодолеть длительную стагнацию [11].

Формулируемые цели развития должны обеспечить коррекцию траектории движения российской общественной системы, выводящую её к периферийным позициям в глобальном развитии. Главный смысл выдвижения таких целей сегодня — обеспечение прорывного перехода к глобальной конкурентоспособности и укрепление международного авторитета страны. В настоящее время Россия во многом опирается на территориальные ресурсы, элементы прежней военной мощи и зна-

чительные объёмы добычи полезных ископаемых в попытке удержать позиции на мировой арене. Однако сила в современном мире формируется иными факторами — знаниями, технологиями, продвинутыми человеческими компетенциями, гибкими организационными механизмами и институтами, которые создают творчески мыслящие высококвалифицированные люди [13, 16].

Направление значительной части рентных поступлений от добычи природных ресурсов на создание и укрепление современной технологической надстройки над устаревшей хозяйственной базой, формирование креативного потенциала и институциональной среды интенсивного развития национального сообщества — ключевое условие превращения страны в динамично развивающуюся экономику мирового уровня. Без такой трансформации нельзя обеспечить устойчивость и целостность обширной экономической территории, за которой пристально следят более успешные и заинтересованные соседи.

Острая международная конкуренция, характерная для текущей фазы глобализации, требует надёжной защиты национальных интересов в условиях многоуровневого взаимодействия. Однако вначале необходимо адекватно артикулировать эти интересы внутри страны путём согласования интересов различных социальных групп и институтов, составляющих российское общество.

Важно обеспечить реальное равенство всех перед законом и независимость суда, устойчивого к внешнему давлению. В современной России доверие к судебной системе во многом утрачено; для восстановления справедливости необходим расширенный доступ добросовестных и некоррупцированных профессионалов в судебную ветвь власти и системная очистка от лиц, вовлечённых в коррупционные практики.

Российскому обществу требуется перераспределение баланса власти в сторону выстраивания отношений с частным бизнесом, основанном на чётком разделении обязанностей и согласовании интересов. Пассивная, сервисная роль бизнеса по отношению к власти ослабляет экономику и препятствует адаптации к новым требованиям глобальной конкурентной среды; обе стороны должны действовать продуктивно, каждая в пределах своей компетенции, для совместного решения экономических и социальных задач [15].

Защита национальных интересов также предполагает стратегический выбор ключевых международных партнёров и выстраивание с ними взаимовыгодных и предсказуемых форм сотрудничества.

В России власть-собственность стремится приспособиться к новой реальности и остаётся опорным отношением системы общества. Опыт российских преобразований свидетельствует о том, что существующий уровень преобладания власти над собственностью не позволяет развивать государственно-частное партнёрство и многие другие гибкие формы организации экономических связей [17, 21].

Интегрированные субъекты, создающие продукцию с высокой долей добавленной стоимости, действуют в технологическом секторе промышленности, производстве современных товаров личного потребления, занимающих довольно скромную долю в российской экономике. Крупные компании играют определяющую роль в становлении новой экономики знаний, соответственно, по их доле можно судить о потенциале развития российского общества. Это возвращает нас к идее неоиндустриализации, которая возникла в России при оценке результатов рыночных реформ и попала в фокус общественного внимания в условиях новой реальности [19, 20].

Замысел неоиндустриализации состоит в воссоздании на новой технологической основе отраслей промышленности, способных создавать продукцию с высокой добавленной стоимостью. Это стало необходимо в связи с очевидными результатами рыночных реформ, которые привели к резкому ухудшению структуры российской промышленности, в которой за 90-е гг. XX в. более чем в полтора раза снизился удельный вес обрабатывающей промышленности, выпускавшей продукцию с высокой добавленной стоимостью [1, 6].

Страна выстраивала свой путь развития преимущественно за счёт эксплуатации и экспорта природных ресурсов, а государственные институты со временем сформировали механизм сглаживания волатильности мировых цен на эти товары. В благоприятные периоды рентные поступления аккумулируются в национальных резервах; в неблагоприятные — накопленные запасы используются для компенсации недополученных доходов бюджета и частичной поддержки отечественных производителей [18].

Новые экономические условия привели к резкому росту общественной поддержки неоиндустриализации. Её приверженцы обоснованно предлагали целенаправленное применение рентных поступлений из резервов — не как простую подушку безопасности, а как ресурс для восстановления и модернизации национальной обраба-

тывающей промышленности с опорой на современные технологии [1].

Для реализации программы неоиндустриализации лучше всего подходят интегрированные предприятия российской экономики:

- интегрированные предприятия, созданные в возрождённых отраслях обрабатывающей промышленности на базе новых технологических решений и выпускающие продукцию с высокой добавленной стоимостью, займут центральную роль в экономике: они будут формировать конкурентные преимущества на внешних рынках, повышать инвестиционную привлекательность страны и аккумулировать интеллектуальные ресурсы общества;

- интегрированные предприятия в добывающем секторе, производящие сырьё с низкой добавленной стоимостью, получают доступ к отечественным технологиям и оборудованию, созданным в рамках новой промышленной экосистемы, что повысит их эффективность и технологическую ёмкость выпускаемой продукции;

- вся совокупность интегрированных экономических агентов перестанет ориентироваться на системный поиск ренты как основного источника дохода. В настоящий момент поведение многих субъектов адаптировано под возможность извлечения рентных доходов в самых разных сферах, даже там, где их объективно быть не может; структурные изменения сместят стимулы в сторону производственной эффективности и инноваций;

- зависимость государственного бюджета от рентных потоков ослабнет: доля налога на прибыль организаций в бюджетных поступлениях увеличится, а резервы будут перераспределены в пользу программ модернизации и инновационного развития экономики;

- в системе стратегических целей государственной социально-экономической политики появятся качественно новые приоритеты: создание и поддержка интегрированных предприятий, способных генерировать продукцию с высокой добавленной стоимостью и занимать ведущие позиции в международной конкурентной иерархии; формирование и мобилизация интеллектуального потенциала общества для решения национальных задач [2, 6, 9, 19].

Особое внимание в условиях реализации политики неоиндустриализации уделяется человеческому капиталу, который обладает синергетическим потенциалом для быстрого преобразования экономики и социума: креативность, способность

генерировать востребованные инновационные решения и оперативно их внедрять создают эффект, сравнимый с «взрывным» ускорением модернизации.

Заключение

В заключении подытожим, что неоиндустриализация является ответом на деградацию промышленной структуры страны.

Идея неоиндустриализации направлена на воссоздание современных отраслей с высокой добавленной стоимостью, опираясь на накопленные национальные резервы и более рациональное использование этих резервов с помощью следующих направлений:

- целевые инвестиции в технологическую модернизацию и создание производств с высокой добавленной стоимостью;
- финансирование научно-образовательных программ, институтов и кластеров инноваций;
- поддержка перехода интегрированных субъектов на современные технологические платформы.

При успешной реализации политики неоиндустриализации можно ожидать следующих изменений:

- увеличение доли высокотехнологичной обрабатывающей промышленности;
- рост производительности труда и конкурентоспособности интегрированных субъектов;
- более устойчивая структура экспорта, меньшая зависимость от сырьевого сектора;
- изменение бюджета: перераспределение части рентных доходов в пользу инвестиций в индустрию и НИОКР;
- укрепление института государственно-частного партнёрства и улучшение делового климата.

Учитывая опыт других стран следует формировать:

– режим непримиримости к коррупции сверху вниз, который помогает формировать общественный консенсус о недопустимости взяточничества и кумовства;

– важна последовательность мер и институционализация правил: независимые органы контроля, прозрачные процедуры найма и контрактов, достойная оплата госслужбы;

– полезен прагматический подход: решения должны оцениваться по эффективности, а не только по идеологической чистоте.

Наряду с вышесказанным необходимы институциональные изменения, такие как:

– разделение функций государства и общества. Государство и гражданское общество должны иметь чёткие границы ответственности. Решения многих задач развития эффективнее принимаются при активном участии гражданских институтов, бизнеса и научных сообществ;

– развитие внутреннего технологического сектора и интеллектуального капитала. Нужны инвестиции в образование, НИОКР, механизмы коммерциализации технологий и создание масштабных платформ для удержания и капитализации талантов;

– борьба с коррупцией как элемент технологического прорыва. Создание прозрачных правил доступа к финансированию, конкурсных процедур и мер по защите прав участников рынка будет усиливать доверие и стимулировать развитие инноваций.

Для России актуально перенять принципы последовательности и бескомпромиссности в антикоррупционных мерах от других стран, одновременно нацелившись на создание собственного технологического ядра и усиление роли гражданского общества в решении задач модернизации экономики.

Список источников

1. Белокрылова О. С., Ситухо А. Н. Группы специальных интересов в процессе институциональных изменений на примере института власти-собственности в России // Вопросы отраслевой экономики. 2023. № 2 (2). С. 23–30. DOI: 10.24888/2949-2793-2023-2-23-30.
2. Брижак О. В. Качественные изменения системы экономики: новая реальность. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2024. 168 с.
3. Брижак О. В. Институциональная трансформация российской экономики: противоречия корпоративного сектора // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 9 (338). С. 69–77.
4. Вольчик В. В. Эволюция российского института власти-собственности // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009. № 1. С. 154–178.
5. Вольчик В. Роль групп специальных интересов в эволюции института власти-собственности в России // Управление мегаполисом. 2008. № 2. С. 155–175.

6. Глазьев С. Ю. Какой должна быть роль институтов развития в новом мирохозяйственном укладе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1 (51). С. 9–10.
7. Губанов С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М. : Книжный мир, 2012. 224 с.
8. Дементьев В. В. Экономика, институты, власть : избранные сочинения. Москва : Издательско-торговая корпорация Дашков и К, 2025. 664 с.
9. Дементьев В. В. Экономика как система власти : монография. Донецк : «Друк-Инфо», 2006. 404 с.
10. Дементьев В. Е. Технологический суверенитет и экономические интересы // Журнал институциональных исследований. 2024. Т. 16, № 3. С. 6–18. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.006-018.
11. Лэйн Д. Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект // Реформы и качество государства. Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 2. С. 8–34.
12. Клейнер Г. Б. От «экономики физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 56–74. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-56-74.
13. Аузан А. А., Лепетиков Я. Д., Ситкевич Д. А. Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1 (14). С. 24–47. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_24_47.
14. Нуреев Р. М. Институциональная экономика: проблемы и перспективы анализа развивающихся стран // Экономическая наука современной России. 2021. № 3 (94). С. 97–106. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-97-106.
15. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Институциональная структура корпорации: теория вопроса и российские кейсы // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 1. С. 87–102. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-1.6.
16. Прудон П.-Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. М. : URSS. 2011, 280 с.
17. Стрижак А. Ю. Институциональные ловушки как препятствие на пути модернизации стран с развивающимися рынками // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2017. № 4. С. 186–193.
18. Толстобоков О. Н. Институциональное обеспечение экономической и технологической безопасности государства: предшествующий опыт // Финансово-экономическая безопасность Российской Федерации и её регионов: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Симферополь — Феодосия, 19 декабря 2024 года. Симферополь: Крымский федеральный университет, 2025. С. 550–552.
19. Толстобоков О. Н. Концепция неоиндустриализации: институты власти и собственности // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: материалы VII Международной научной конференции, Москва, 17 марта 2022 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Государственный университет управления, Институт экономики и финансов. Москва: Государственный университет управления, 2022. С. 87–90.
20. Олейник А. Политэкономика власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России // Вопросы экономики. 2011. № 5. С. 19–33. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-5-19-33.
21. Олейник А. Н. Сравнительная концептология власти и сопротивления с использованием Google Ngram Books // *Respublica Literaria*. 2021. Т. 2, № 4. С. 124–143. DOI: 10.47850/RL.2021.2.4.124-143.

Reference

1. Belokrylova OS, Situkho AN. Special interest groups in the process of institutional change on the example of the power-ownership institution in Russia. *Voprosy otraslevoy ekonomiki = Issues of industry economics*. 2023;2(2):23-30. DOI: 10.24888/2949-2793-2023-2-23-30. (In Russ.).
2. Brizhak OV. Kachestvennyye izmeneniya sistemy ekonomiki: novaya real'nost' = Qualitative Changes in the Economic System: A New Reality. Kursk, JSC University Book; 2024. 168 p. (In Russ.).
3. Brizhak OV. Institutional transformation of the Russian economy: contradictions of the corporate sector. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2014;9(338):69-77. (In Russ.).

4. Volchik VV. Evolution of the Russian institution of power-property. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political conceptology: journal of metadisciplinary studies*. 2009;1:154-178. (In Russ.).
5. Volchik V. The role of special interest groups in the evolution of the institution of power-ownership in Russia. *Upravleniye megapolisom = Metropolis Management*. 2008;2:155-175. (In Russ.).
6. Glazyev SYu. What should be the role of development institutions in the new world economic order. *Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*. 2025;19,1(51):9-10. (In Russ.).
7. Gubanov SS. State breakthrough. Derzhavnyy proryv. Neoundustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya = Neo-industrialization of Russia and vertical integration. Moscow, Knizhny Mir; 2012. 224 p. (In Russ.).
8. Dementev VV. *Ekonomika, instituty, vlast': izbrannyye sochineniya = Economy, institutions, power: selected works*. Moscow, Publishing and trading corporation Dashkov i K; 2025. 664 p. (In Russ.).
9. Dementyev VV. *Economy as a system of power: monograph*. Donetsk, «Druk-Info»; 2006. 404 p. (In Russ.).
10. Dementev VE. Technological sovereignty and economic interests. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of institutional studies*. 2024;16(3):6-18. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.006-018. (In Russ.).
11. Lane D. Transformation of the power-property system in Russia: a regional aspect. Reforms and the quality of the state. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = The world of Russia. Sociology. Ethnology*. 2015;24(2):8-34. (In Russ.).
12. Kleiner GB. From the «Economy of Individuals» to the Systemic Economy. *Voprosy ekonomiki = Voprosy Ekonomiki*. 2017;(8):56-74. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-56-74. (In Russ.).
13. Auzan AA, Lepetikov YaD, Sitkevich DA. Track and pendulum: the influence of the trap of previous development on the dynamics of institutional change. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Voprosy Teoreticheskoi Ekonomiki*. 2022;1(14):24-47. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_24_47. (In Russ.).
14. Nureyev RM. Institutional Economics: Problems and Prospects of Analysis of Developing Countries. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii = Economic Science of Modern Russia*. 2021;(3(94):97-106. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3 (94)-97-106. (In Russ.).
15. Pletnev DA. Institutional Structure of the Corporation: Theory of the Issue and Russian Cases. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2021;18(1):87-102. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-1.6. (In Russ.).
16. Proudhon P-J. *Chto takoye sobstvennost'?' ili Issledovaniye o printsipe prava i vlasti = What is property? or Research on the principle of law and power*. Moscow, URSS; 2011. 280 p. (In Russ.).
17. Strizhak AYU. Institutional traps as an obstacle to modernization of countries with emerging markets. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya V. Ekonomika i pravo = Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law*. 2017;(4):186-193. (In Russ.).
18. Tolstobokov ON. *Institutsional'noye obespecheniye ekonomicheskoy i tekhnologicheskoy bezopasnosti gosudarstva: predshestvuyushchiy opyt = Institutional support of economic and technological security of the state: previous experience*. Financial and economic security of the Russian Federation and its regions: collection of materials of the IX International scientific and practical conference, Simferopol Feodosia, December 19, 2024. Simferopol, Crimean Federal University; 2025. Pp. 550-552. (In Russ.).
19. Tolstobokov ON. *Kontseptsiya neoundustrializatsii: instituty vlasti i sobstvennosti = The concept of neo-industrialization: institutions of power and property*. Institutional Economics: development, teaching, applications: materials of the VII International Scientific Conference, Moscow, March 17, 2022 / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, State University of Management, Institute of Economics and Finance. Moscow, State University of Management; 2022. Pp. 87-90. (In Russ.).
20. Oleinik A. Political Economy of Power: Approaches to the Analysis of Relations between the State and Business in Russia. *Voprosy ekonomiki = Voprosy ekonomiki*. 2011;(5):19-33. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-5-19-33. (In Russ.).
21. Oleynik AN. Comparative Conceptology of Power and Resistance Using Google Ngram Books. *Re-publica Literaria*. 2021;2(4):124-143. DOI: 10.47850/RL.2021.2.4.124-143. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Н. Толстобок — кандидат технических наук, доцент.

О. В. Брижак — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории.

Information about the authors

O. N. Tolstobokov — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

O. V. Brizhak — Doctor of Economics, Docent, Professor, Department of Economic Theory.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025; одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 15.09.2025.

The article was submitted 10.08.2025; approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 15.09.2025.

Вклад авторов: оба авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.